

Пермь. У нас жандармы выдумывают дело за делом... 15 июля в Мотовилихинском заводе ночью была подброшена граната управляющему сборным цехом инженеру Назарову. Вместо Назарова пострадал ночной сторож; его ранило в шею (теперь в больнице). Арестовали проходивших мимо 3 рабочих: Постоногова, Мальцева и Дудина. Сначала арестованные сидели в общей камере, но после допроса их рассадили по одиночкам. Значит, — вздумали придать делу политический характер.

20 июля в Красноуфимском уезде в Саранинском заводе арестовали псаломщика Н. Г. Ряпасова и 3 рабочих: один из них, будто бы, выдал Ряпасова, а двое других притащили книги, данные им, будто бы, Ряпасовым. Все находится в Красноуфимской тюрьме.

Со 2 августа политические заключенные в Пермской тюрьме (из февр. и март. арестов) голодали 8 суток, требуя отмены одиночки и совместных прогулок, т. к. следствие закончено. Общество волновалось. Обращались к губернатору с просьбами похотатайствовать об удовлетворении требований заключенных. По городу разбрасывались листки о голодовке, от родных посылались телеграммы в Петербург.

Теперь голодавшие переведены в общую палату больницы, а на их место в одиночки посажены другие...

10 августа снята полетела жандармерия с обысками и на этот раз к железнодорожным... Арестованы: Матвеев, Каменев и Еленов. Причина обысков и арестов неизвестна. При обысках ничего не нашли. Из сидевших по «учительскому» и Добрянскому делу 7 выпущено в конце июля и немедленно высланы из Перми: Бокова, Глушков, Лихачев, Коптевский, Мостовенко, Левин и Булатов, остальные (Рутман, Владимирский, Ставровский, Трапезников и супруги Ягодниковы) сидят, жандармы обещают не выпустить до приговора.

Феодосия (Крым). 24 июля 1902 г. в г. Феодосии местной рабочей организацией были впервые распространены прокламации к рабочим, в количестве 450 штук. В прокламациях выяснялось значение борьбы, в которую вступил русский рабочий с капиталистом и царским правительством.

Прокламации были распространены очень удачно. По всем слободам были разбросаны во дворах, а также расклеены на стенах многих зданий. На местную табачную фабрику Стамболи прокламации были доставлены в количестве 48 штук. Побывали также прокламации на механическом заводе Наделя, в железнодорожных мастерских, на кирпичных заводах (2) и пр. — всюду вызывая оживленный обмен мыслей.

На одном из кирпичных заводов (Французск. общ.) прокламации вызвали забастовку. Рабочие добились небольших уступок. Местной же организацией были распространены листки, перепечатанные с издания «Петербургского Союза Борьбы» — «О том, как берут с нас незаметно налоги», в количестве 150 шт. Об этих листках точно также говорилось очень много. По мнению одного лодочника, — «быть сегодня бунту». На вопрос — почему? — лодочник ответил, что студенты будут требовать понижения цен на продукты, которые у нас стоят дороже, чем за границей, а потому и недоступны для рабочих.

Листки и прокламации были также разбросаны на базаре, где они читались громогласно, и обладающий листком вступал в пререкания с полицией, прежде чем отдавал листок городовому. В эту же ночь были распространены в уезде 300 шт. прокламаций к крестьянству. В них указывалось на бедственное положение крестьян, как следствие грабежа помещиков и правительства, которое, давши ничтожные наделы, стало выколачивать последние гроши из крестьянского кармана непомерными налогами и платежами.

Прокламации везде читались с большим интересом. Соседи собирались вместе, в слух прочитывалась прокламация, а потом слышались возгласы: «верно», «так оно и есть» и т. д.

В ту же ночь была разбросана «Солдатская памятка» Л. Н. Толстого, в количестве 150 шт., на задних рядах ла-

геря. Утром много солдат прочли и стали рассуждать о прочитанном. Только часов в 10 или 11 было доложено дежурному офицеру, который распорядился отобрать книжки у солдат. Солдаты остались недовольны только тем, что брошюры не то писаны, не то печатаны (гектографированы).

Местные власти всполошились. Вызван жандармский генерал из Симферополя и жандармский полковник из Керчи, которые на месте изучают «дело». Был губернатор, об'езжал уезд и говорил речи. Было несколько обысков, которые ни к чему не привели. В город присланы новые шпионы. Кстати, можно упомянуть о шпионской системе, которой держится жандармерия в Крыму. Шпионы долго не засиживаются в одном городе, чтобы не обратить внимания местных жителей. Перед 1 мая было 25 обысков в одну ночь. В обысках принимали участие пристав и полицмейстер.

В г. Ялте умер Г. В. Зуев, инициатор и организатор местного рабочего движения. Смерть его вызвала много знаков сочувствия как в местном обществе, так и в периодической печати — «Спб. Велом.», «Южн. Кур.» — и др. газетах, в которых он сотрудничал. Несмотря на с'едвашую его чухотку (от которой он и умер), Г. В. почти до самого конца принимал горячее участие в местной работе, служа блестящим примером для всех товарищей. Пусть будет легка ему земля!

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Путивля, Курск. губ., сообщают: недавно в с. Крупец приезжал путивльский исправник, который собрал сходку и сказал речь в том духе, что теперь есть злые люди-студенты, которые распространяют «пропаганду». «Так вот вам, ребята, правительство доверило охранять самих себя, и вы постойте за себя и за батюшку-царя. Ведь вы знаете, что мы им держимся и без него пропадем». И еще говорил много, много в том же духе... Однако, «пропаганда» путивльского исправника достигла совершенно противоположных его намерениям результатов. После речи блюстителя порядка один дед, по прозвищу Корчага, так остервенел, что если бы сам поп заикнулся про студентов, то Корчага и попа бы растерзал.

По слухам из Полтавы, надо ожидать новых крестьянских волнений. В страдную пору в некоторых местах крестьяне поголовно отказывались от уборки помещичьего хлеба, несмотря на высокую плату, которая им предлагалась. За уборку десятины давали по 15—17 руб. — «Убирайте сами, — говорили крестьяне нанимателям. — А не можете, так не жадничайте и сейте столько, сколько ваши бабы могут убрать», — это помещицы-то. В настоящее время полтавцы принялись, повидимому, своеобразно применять свою трудовую теорию на деле: по весьма достоверным слухам, крестьяне жгут помещичий хлеб. Палить панскую пшеницу они обещали еще вскоре после экзекуций бывшего губернатора Бельгарда. Теперь они сдерживают свои обещания.

Неспокойно и в Суджанском уезде, Курск. губ. Крестьяне раздражены мерами, принимаемыми в виду маневров. Так, между прочим, крестьянам велено довести проселочные полевые дороги до узаконенной ширины. Для этого пришлось скашивать еще незрелый хлеб, посеянный по краям дорог. — «Еду я, — рассказывал один помещик, — и вижу, как крестьяне, иные со слезами на глазах, косят зеленый хлеб. — „Что вы делаете, — спросил я, — с ума, что ли, сошли?“ — Что делаем? — ответил один из косцов. — А вот дороги прокладываем, по которым, как царь уедет с маневров, бунт пойдет. Дорогу, значит, для бунта».